

ВЛАДИМИР БОСИН

ЧУЖОЕ ЛИЦО-2

Владимир Босин

Чужое лицо-2

«Автор»

2026

Босин В. Г.

Чужое лицо-2 / В. Г. Босин — «Автор», 2026

Своя дорога, своя женщина, своя жизнь. Даже если лицо по-прежнему чужое. Главный герой уже получил вторую жизнь и теперь ему предстоит решить, как ею распорядиться. За возможность начать всё с начала приходится платить. И помощь влиятельного покровителя постепенно превращается в опасную зависимость.

© Босин В. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Босин

Чужое лицо-2

Глава 1

Никитский лично мне интересно тем, что он является представителем монументального исторического направления и с ним мне по идее легче будет продвигаться к своей идее.

М-да, неласковый приём мне оказали в первый же день. К сожалению, когда я приехал в столицу и выйдя с Ярославского вокзала направился напрямиком в государственный художественный институт имени Сурикова, что расположился в районе Таганки — оказалось, что моего будущего наставника нет в городе. Вроде как он в отпуске.

Благо ещё чемодан я догадался оставить в камере хранения. Кроме его и этюдника у меня с собой больше ничего и нет. Вещи и два фанерных ящика с моими работами перевезу потом, как устроюсь. Само здание поражает старой дореволюционной архитектурой, высокие колонны, широкие коридоры и гипсовые слепки античных статуй. Здесь всё кричало: «Ты не туда пришёл. Здесь творили настоящие мастера».

В приёмной сидела немолодая женщина-секретарь в роговых очках.

— Здравствуйте, у меня направление к вам. В мастерскую Андрея Андреевича Никитского.

Та подняла глаза с красноватыми прожилками и звучно высморкалась в гигантского размера носовой платок.

— Простите... Вы студент?

— Не совсем.

— Тогда аспирант?

— Пока нет.

Женщина нахмурилась, — можно Ваши документы?

Та долго вчитывалась в строчки сопроводительного письма и самого направления.

— Ничего не пойму, одну минуту...

Она сняла телефонную трубку и попросила кого-то зайти.

Через несколько минут в приёмную вошёл мужчина средних лет.

— Это Вы Соколов? Я декан факультета графики. Разрешите Ваши бумаги.

Теперь пришла его очередь удивляться, но видимо тот оказался поопытнее секретарши и уже сталкивался подобными вывертами.

— Товарищ Никитский, насколько я знаю, сейчас в отпуске. Вернётся дней через десять. Но Вы не беспокойтесь, мы что-нибудь придумаем.

Затем последовал звонок, видимо в отдел кадров:

— Тут у меня молодой человек по распоряжению Академии... Нет, фамилия не знакомая... Да, документы при нём... Хорошо, так я посылаю его к вам.

— Алексей Иванович, спуститесь вниз в отдел кадров и там вам помогут.

В отделе кадров женщина тоже удивлённо перебрала мои документы, особенно её поразила новенький диплом об окончании Абрамцевского училища и направление к товарищу Никитскому.

Последовали новые звонки, но видимо там наверху ей настучали по голове, обвинив в подрыве авторитета начальства. А ему, как известно, лучше видно, кого и куда направлять.

Затем меня попросили подождать в коридоре, но уже минут через десять я получил направление в общежитие Академии художеств города Москвы.

— Завтра к девяти Вам нужно будет подъехать на Верещагина, там находится персональная мастерская товарища Никитского. Раз Вас туда направили, то пусть там Вами и занимаются.

Добираться до общаги пришлось с пересадкой, это заняло больше часа. Сердитая комендантшанеторопливо заполнила бумаги, хотя эта не задавала глупых вопросов. Затем она сунула мне ключ и повела получать бельё.

Так я получил койку в комнате двести четырнадцать, насколько я понял это этаж для аспирантов и здесь было довольно чисто и тихо.

Я поднялся на второй этаж старого кирпичного здания. Тяжёлая входная дверь оббита тёмным дерматином. На небольшой латунной табличке значилось:

«Творческая мастерская академика А. А. Никитского».

Осторожно, открыв дверь, вошёл. Первое, что меня поразило — пространство.

Потолок метров пять высотой. Огромные северные окна почти от пола до потолка заливали помещение ровным мягким светом. Ни одной резкой тени — именно такой свет ценили живописцы.

В воздухе стоит знакомый запах льняного масла, скипидара, масляных красок и влажного холста.

Вдоль стен висели десятки подрамников. Одни холсты были закрыты серыми чехлами, другие стояли лицом к стене. На нескольких огромных полотнах угадывались смутные фигуры персонажей.

У дальней стены стояла длинная полка с банками пигментов, бутылками олифы и растворителей. Рядом целый лес мольбертов.

В мастерской молча работали пять человек и на меня пока никто не обратил внимания.

Один писал большой картон для мозаики. Другой заканчивал портрет пожилого рабочего. Третий, совсем молодой, сидел на стремянке и прорисовывал верхнюю часть трёхметрового полотна. Ещё одна девушка задумчиво возилась в углу.

Никто не разговаривал, слышалось лишь шуршание кистей да лёгкий скрип угля по картону.

Через несколько секунд ко мне подошёл крепкий мужчина лет сорока в синем халате.

— Вы Соколов? Нам звонили на Ваш счёт. Меня зовут Сергей Петрович. Я помощник Андрея Андреевича.

Он пожал мне руку, — академик ещё в отпуске.

— Но мне в институте сказали явиться сюда.

— Правильно сказали. Когда мэтр прибудет, он сам определит Вам фронт работы. А пока знакомьтесь с мастерской, посмотрите работы. Можете и сами поработать.

И он показал в дальний угол, — видите свободный мольберт? Это пока Ваше место.

Возле окна стоит совершенно новый мольберт. Рядом — высокий табурет, небольшой столик для палитры и пустой металлический шкафчик.

Таким образом меня как бы условно приняли в коллектив. До приезда шефа. Молодые люди представились как Виктор, Юрий, Борис и Лена.

К сожалению, парни оказались курящими и частенько бегали на лестничную клетку, а дым пёр прямо в помещение и от него у меня начала побаливать голова. Мне только и оставалось понимающе переглядываться с нашей единственной дамой.

Академик Никитский неторопливо снял перчатки, положил их на край массивного письменного стола и ещё раз взглянул на тонкую папку.

«Соколов Алексей... Выпускнику Абрамцевского художественно-промышленного училища... Окончил с отличием... распределён в распоряжение Загорского художественно-производственной мастерской художественного фонда РСФСР города».

Уже тут красноречиво торчат уши Московского обкома. Только партийцы могли нарушить обычный ход распределения выпускников и затребовать данного молодого человека в своё распоряжение.

Академик поморщился, — вот ведь времена. Разве раньше можно было такое представить. Парень ему заранее не нравился. И не потому что был плохим художником — работ его Никитский не видел. А потому, что вся эта история слишком отчётливо пахла особыми связями. Возможно этот паренёк является будущим зятем самого Полипова, вроде у того имеется дочь подходящего возраста.

Ещё вчера об этом парне никто ничего не слышал — обычный выпускник-ремесленник. И вдруг такая необычная просьба лично принять его в персональную мастерскую.

Просьба...

Никитский усмехнулся. В жизни некоторые просьбы звучат как приказ. Отказать второму секретарю обкома равносильно собственным творческим похоронам. Андрей Андреевич чересчур долго прожил в этой системе, чтобы не понимать последствий своей излишней принципиальности.

Конечно, формально Союз художников являлся общественной организацией. Московская организация (МОСХ) была её региональным отделением. Она напрямую подчинялась правлению Союза художников РСФСР, а та в свою очередь, — Союзу художников СССР.

Но каждый, достигший определённого уровня в этой организации прекрасно понимал, где заканчиваются красивые слова и начинается настоящая власть.

Выставочные планы, госзаказы, персональные мастерские, выделение жилплощади, дачи, поездки за границу и фонды на импортные материалы — всё это так или иначе проходило через партийные органы. Министерство культуры занималось лишь прямым финансированием, музеями и организацией выставок. А вот кадровые и идеологические значимые вопросы всегда решали в коридорах партийных учреждений. И бороться с этим просто бессмысленно.

Академик хорошо помнил скандал, учинённый дорогой супругой.

— Андрюша, ну ты же обещал... Бондаренко и Сухановы смогли получить участок в Сосновом Бору. Нина Беляева недавно приглашала меня погостить там у них. Мы же опять остаёмся в стороне.

Сосновый Бор являлся закрытым дачным товариществом Союза художников в Подмоскowie. И построить там дачу стало идеей фикс для Надежды Николаевны.

Никитский даже наступил на горло своей гордости и позвонил старому приятелю из правления Союза художников РСФСР.

Тот только развёл руками:

— Андрей, ты же знаешь, как у нас тебя уважают и ценят. Но фонды в Сосновый Бор ограничены и ими распоряжаются на самых верхах. Давай лучше пробьём тебе участок в Жаворонках. Очень неплохое и тихое место.

Жаворонки... и в самом деле шикарное место и речка богата рыбой. Но Наденька упёрлась и даже посмотреть это чудесное место не захотела.

И вот недавно раздался звонок из обкома партии и сам второй секретарь, которые довольно недавно был назначен на эту должность, предложил встретиться.

И самым волшебным способом невозможное стало вполне реальным. Более того, Андрея Андреевича даже проинформировали о том, что принято решение о выделении ему вожделенного участка. Вот только нужно завершить обещанное. А от академика требовалось всего лишь принять официально к себе молодого парня стажёром в свою мастерскую и даже подго-

товить его за 2–3 года к самостоятельной работе. То есть абсолютно неподготовленный парень из глубинки должен овладеть за немыслимо короткое время академической школой, сформировать собственную творческую манеру и создать цикл работ, достойных участия в серьёзных выставках республиканского и союзного значения.

По сути от мэтра требовалось вывести этого ремесленника на выставочный уровень так, чтобы его приняли в Союз художников СССР.

Единственное, что успокаивало, это понимание вторым секретарём того факта, что из бездаря мастера сделать в любом случае не получится и кисть за него никто держать не будет.

Работа была необременительная, приходили мы где-то в половине девятого и работали над мольбертами часов до трёх, а потом Сергей Петрович милостиво отпускал нас по домам. И это позволяло мне за оставшееся время немного изучить столицу.

Город производил двойственное впечатление — странная вычурная архитектура сталинского ампира соседствовала с примитивными формами жилых кварталов. Огромные проспекты и многочисленные старинные церкви, стоящие закрытыми. Больше всего меня поражает то, что москвичи и гости города настроены на личное общение. То есть большинство конечно куда-то спешит, но при этом народ охотно останавливается поговорить. Нет гаджетов и единой информационной сети. Люди просто разговаривают, улыбаются, плачут — и именно это меня и привлекает в них. Мне даже удалось как-то мило побеседовать с одной пожилой женщиной в парке. Та поведала мне, что работает нянечкой в детском садике. Живёт одна, детей нет. Так как в войну она вместе с другими москвичками копала окопы для Красной армии и сильно застудилась по-женски. Немолодая женщина не обижалась на судьбу, наоборот она искренне радовалась солнышку и хорошему сентябрьскому дню. А ещё она ухитрилась выпытать у меня мою историю и даже посоветовала куда сходить в выходной день.

Именно по её совету я почти каждый день стал ходить в кинотеатры. Недалеко от работы был кинотеатр «Победа», а рядом с общагой — «Иллюзион».

Да, к старому советскому кино я всегда относился с уважением. Но смотреть знаменитые киноленты, зная, что эти актёры и режиссёры сейчас живы и продолжают творить — это же здорово. Я буквально окунулся с головой в мир кино. А ведь есть ещё театры, знаменитые московские театры, билеты в которые обещала как-то достать Ольга Полипова.

И вот наконец вернулся из отпуска наш наставник, объявился он лишь после обеда. С утра вроде был в институте, затем пошутукался со своим заместителем и наконец пригласил меня в кабинет, находящийся в дальнем угле помещения мастерской:

— Так вот ты какой Соколов Алексей...

— Добрый день, Андрей Андреевич.

— Да ты садись, садись, — а сам он встал и подошёл к окну.

Неловкая для меня пауза, видимо академик пока не знает, как ко мне относиться.

— Признаться, твоё появление в моей мастерской стало для меня неожиданностью.

Высокий сухощавый человек в возрасте за шестьдесят одет в пиджачную пару светлосерого цвета. Аскетичное и несомненно интеллигентное лицо с серебристыми бачками искажала гримаса раздражения. Хотя заметно, что хозяин кабинета пытается держаться бесстрастно.

— Надеюсь, ты понимаешь, что работа здесь отличается от условий, к которым ты привык в Абрамцевском училище. Мои ребята шесть лет постигали азы классической живописи ... М-да.

Карие глаза мужчины сверкнули, но он смог сдержаться:

— А где твои работы? Покажешь?

— Из Хотьково я же только с одним чемоданчиком приехал в Москву.

— Так съездите и заберите, — у академика своеобразный скрипучий голос, а когда он не в настроении — слушать его сложновато.

Зато, получив разрешение я смотался в Хотьково и через три дня вернулся вместе со своими вещами, накопленными за пять лет жизни здесь и двумя фанерными ящиками своих работ.

Ещё до отъезда меня официально провели приказом по региональному отделению художником-стажёром персональной творческой мастерской академика Никитского с окладом в 135 рублей. Я далеко не беден и за время учёбы почти не потратил деньги, лежащие на сберкнижке. А на что там было тратить — трояк за общагу, завтракал я бутербродом со стаканом чая. Обед в студенческой столовой железнодорожного техникума обходился мне копеек в семьдесят. Ужин готовили сами в комнате. Чаще всего покупали свежий фарш в кулинарии, рубили в него репчатый лук и обваляв в муке жарили на сковороде. У нас была своя маленькая электроплитка. С жареной картошкой шло на ура.

Не меньшим спросом пользовалась свиная или говяжья тушёнка с отварными макаронами. Всё это великолепие запивали чёрным чаем, заваренным в двухлитровую стеклянную банку и заедали пряниками. Как отличник я получал в училище стипендию тридцать семь рублей пятьдесят копеек. В принципе я почти укладывался в бюджет, исключением стал только первый год учёбы, когда мне пришлось покупать более к местному климату подходящую одежду.

Так что на новую зарплату я уж точно проживу.

Так я думал и конечно ошибался, Москва — это океан соблазнов. Хочется и мороженное купить перед сеансом в кинотеатре, и в парке на аттракционах покататься. Благо пока я не завёл себе подружку, тогда бы пришлось вскрывать кубышку — однозначно. Иногда мы с Гришей, это мой сосед по комнате, устраивали себе праздник. Обычно это случалось в пятницу.

Григорий Сикирянский был парнем плотного телосложения и невысокого роста. Внешне он удивительно напоминал Володеньку Ульянова с октябрятского значка, только резко постаревшего на пару десятков лет. С большой залысиной и чистыми и наивными голубыми глазами. Гриша — настоящий аспирант, в отличие от меня. Только он скульптор и его крупные руки всегда запаханы гипсом и белой пылью.

У нас на этаже была кухонька с двумя двухкомфорочными электроплитами, и Гриша готовил настоящий узбекский плов или самсы. Парень приехал поступать в Москву из Самарканда, отучившись шесть лет он уже второй год стажировался у своего наставника. И самое интересное — тот женат на армянке по имени Аревик и — спит и видит, как бы привезти её сюда в Москву.

Так вот, пока Гриша доводит до ума свой плов и гоняет от него вечно голодных аспирантов, я режу осенний салат и ласкаю взглядом бутылку красного вина. Потом мы закрываем дверь на ключ и невзирая на настойчивые стуки оборзевших соседей по этажу, благостно распиваем терпкое вино, заедаая его жирным и сытным блюдом.

Не знаю, как Григорий, а для меня эти кулинарные праздники служили отдушиной после непростой недели.

Просто обстановка в мастерской была очень недружелюбной. Академик старался меня не замечать, а если и обращался, то только по делу и неизменно официальным тоном.

— Соколов, подрамники готовы? Как это не успел...

— Алексей, загрузите холсты и не так как в прошлый раз...

— А эти этюды отнесите в подсобку.

Глава 2

Работа доставалась самая грязная и неприметная.

С утра мне доверяли натягивать холсты на подрамники, следя, чтобы полотно легло без единой складки. Затем я разводил клеевой грунт, наносил на холст, сушил и шлифовал поверхность пемзой. Часами очищал кисти от засохшей краски, мыл палитры — короче работал в роли Золушки.

Неприятно конечно таскать тяжёлые ящики с краской, когда остальные спокойно работали над своими картинами. Сам Никитский принципиально не подходил к моему мольберту. Или же делал вид, что ему абсолютно неинтересно.

Разумеется настроение шефа чутко уловили другие стажёры и принялись дружно меня третировать. Нет, они не издевались. Ведь любому понятно, что я появился здесь благодаря весомой протекции. Но игнорировали однозначно. За общим столом во время чаепития старались не обращаться ко мне напрямую. И лишь двое не участвовали в этом. Это помощник шефа Сергей Петрович и незаметная Леночка. Первый подсказывал мне чисто в профессиональной сфере и даже старался отвлекать недовольство академика от моей персоны. Ну а девушке видимо просто не нравились конфликты и она сама ни с кем особо не дружила. Так, тихая неприметная серая мышка.

Но, она всегда первой звала меня пить чай, — Лёша, чай заварился, идёмте с нами, — и при этом несмело улыбалась мне.

Пролетели почти две недели со дня моего возвращения с Хотьково, а я так и не смог сесть поработать. Всё какие-то поручения, то краски разотри, то проверь олифу — это сам мэтр соизволил приступить к большому, явно эпическому полотну.

В дверь постучали, раздались голоса и вдруг в помещение мастерской ворвался вихрь с улицы. Обернувшись я наблюдаю появление в нашей тихой обители настоящего и эффектного торнадо. И имя ему Ольга Николаевна Полипова.

Хороша девица, взгляд приковывает женственная фигурка запакованная в настоящую американскую джинсу, штаны и куртку, на ногах импортные белые кроссовки Adidas.

Царственно кивнув нашему Сергею Петровичу она прошла на центр комнаты и с интересом оглянулась. Потом выцепила мою особу с банкой краски в руках:

— Лёша, ну ты же обещал мне позвонить, как приедешь в Москву. Пришлось напрягать папу, чтобы тебя найти, — девушка проигнорировав любопытные взгляды присутствующих, подошла ко мне и чмокнула в щёку. Как закадычного друга, я бы так оценил это действие.

— Значит так, на субботу ничего не планируй. Я достала тебе пропуск в Останкино. Проведу по телецентру. Покажу студии, режиссёрские, аппаратные... Подруга даже в эфирную обещала пустить. Такое не каждый день бывает. Тебе нравится передача «Что? Где? Когда?» Вот и отлично, увидишь воочию как снимают такую передачу.

Пользуясь моментом я приобнял девушку и изобразил самую изысканную свою улыбку. Ольга игру приняла и тоже прижалась ко мне.

— Ну всё, в десять жду у центрального входа. Желательно не опаздывать.

Кто-то из ребят присвистнул, — ничего себе...

Даже академик, выглянувший из кабинета на женский голос, задержал взгляд на выходящей Ольге, затем перевёл на меня и, ничего не сказав, молча закрыл дверь.

Мне оставалось только с невозмутимым лицом продолжать отмывать кисть.

— Лёша, а она что серьёзно работает в Останкино? — это Лена подошла сзади и негромко спросила.

— Ну да.

— Это твоя знакомая? — а вот любопытство одного из блюдолизов шефа я с удовольствием проигнорировал.

Спасибо Ольге, она одним единственным посещением мастерской помогла что-то изменить в её атмосфере. Потому что уже на следующий день Никитский вполне нормальным голосом поручил мне поработать над его личной картиной. Та далека от завершения и мне доверили небольшой участок размером с газетный лист. Там дальний план с видом леса. Вот мне и нужно приписать подмалёвок и попытаться найти правильное состояние воздуха.

— Если получится, займёшься и остальным. Мне нужно небо без облаков, ровный холодный осенний воздух. Посмотрим, умеешь ли ты чувствовать тон.

Я даже не сразу понял, что произошло. Ещё вчера был человеком, которому можно было доверить лишь самую черновую работу. А сейчас как ассистент настоящего мастера кисти я начну работать самостоятельно.

Это большой скачок сразу на несколько ступенек в негласной иерархии мастерской. Только бы не налажать.

Телестудия в Останкино произвела на меня странное впечатление. Огромные телевизионные камеры размером с небольшой шкаф, десятки толстых кабелей под ногами, прожекторы, раскалявшие студию так, что через полчаса хотелось раздеться до трусов. За стеклом аппаратной стояли целые стойки аналоговой электроники, сотни кнопок, тумблеров, стрелочных приборов и носители информации с огромными бобинами. По меркам моего времени всё выглядело музейными экспонатами.

На то, чтобы в моё время сделал всего один кристалл размером с ноготок, здесь требовались десятки людей, киловатты энергии и целый этаж аппаратуры.

И всё же я очень быстро перестал обращать внимание на технику, мне больше интересны работающие здесь люди.

Оператор с помощником мокрые от пота крутили свою стационарную камеру, успевая снимать всё нужное по команде вездесущего помощника режиссёра. Осветители меняли свет почти интуитивно.

И никакой автоматической коррекции. Никаких нейросетей.

Только опыт, только память, только талант.

Но настоящий удар по моему самолюбию ждал меня в студии, где шла запись программы «Что? Где? Когда?»

Я даже невольно усмехнулся, сидящая за столом шестёрка знатоков ухитрялась успешно отвечать на коварные вопросы ведущего и телезрителей без доступа к инфосети. Ни подсказок, ни аналитических систем, ни персональных вычислителей.

Как? Лишь собственная голова, эрудиция и железобетонная логика.

Эти ребята за минуту успевали выстроить несколько версий с целыми ассоциативными цепочками. Коллективный разум шести человек выполнял работу искусственного интеллекта.

Вот тут мне и стало не по себе. Ведь они умнее большинства моих сограждан в прошлой жизни. Просто потому, что вынуждены думать сами. Отсутствие электронных костылей превратило память этих людей в настоящий рабочий инструмент. Они ухитряются хранить в голове тысячи фактов, книг, цитат, исторических событий и научных сведений.

— Ну, тебе понравилось? — мы с Ольгой синхронно покачивались вместе с вагоном метропоезда.

До ВДНХ добрались на автобусе, там спустились в станцию метро и с пересадкой телепоемся до «Площади Свердлова». Ольга в Москве отлично ориентируется, в отличие от меня, провинциального увальня. Так что я в роли послушного бычка хожу за нею по пятам. И вообще — девушка меня приятно удивила своим умением тактично, без столичного гонора и понтов дочки влиятельного папаши показать гостю столицы местные достопримечательности. А когда

мы добрались до ГУМа, то практически стали друзьями. С ней легко, она много знает и удивительно интересно рассказывает про историю Кремля. Ну а чтобы хоть как-то отблагодарить девушку за потраченное на меня время, я пригласил её в кафе, расположенное на втором этаже универмага.

Сегодня Ольга предстала для меня совсем в другом свете. Клетчатая юбка чуть ниже колена, туфельки на каблучке и весёлый свитерок с оленями. Длинные волосы забраны наверх заколкой и образуют эдакий задорный девчоночий хвостик. Она выглядит моложе своих лет. Если прикинуть, ей лет двадцать семь, не меньше. После школы пошла по стопам матери и поступила в университет. Инвалидность выбила её из колеи года на два, и ещё пару лет по окончании она успела проработать на телестудии. Вот и получается, что она младше меня года на четыре. Но благодаря легкомысленной причёске скинула немного. А ещё она как старшеклашка весело уплетает мороженное и поглядывает на наших соседей за соседним столиком. Там устроились типичные гости города — папа, мама и два малолетних оболтуса. Шумные и суетливые, обложились покупками и ждут, когда глава семейства закажет на всех сладкое угощение.

Но моя спутница далеко не проста и имидж юной девчонки явно создан осознанно. Три дня назад она выглядела крутой столичной штучкой, так поразившей наших ребят в студии. В Останкино же она была деловита и собрана, знала всё и обо всех. А вот тут в кафе ГУМа внезапно превратилась в наивную девчонку, облизывала ложечку и оставив след шоколада на губе вопросительно смотрела на меня и заливисто смеялась над моими шутками. А ещё она активно сверкала своими голыми гладкими коленками и не обращала никакого внимания на двух лётчиков-лейтенантов, которые бросали заинтересованные взгляды на мою спутницу.

Но в любом случае Оля внесла в мою жизнь щедрую струю свежего воздуха. Мне не хватало чего-то подобного. Расстались мы после прогулки по Александровскому саду и предварительно договорились встретиться на следующей неделе.

Ольга по телефону назначила мне встречу у главного входа в парк Горького. И что удивительно — явилась минута в минуту, не заставив меня ждать. А вместо обычной женской сумочке у неё через плечо висит чехол с фотоаппаратом.

— Смотри, — показала она с гордостью. — Папа из командировки привёз «Зенит-19» с японским объективом Helios. Сказал, чтобы сама научилась фотографировать.

И тут же она заставила меня встать у центральной арки и сделала пару снимков.

— Не двигайся... Нет, голову чуть левее... Замри...

На моё недовольство девушка сразу отреагировала с юмором, — художник должен иногда смотреть на себя со стороны.

И мы медленно пошли по главной аллее. Вокруг играет музыка, рядом под руку идёт симпатичная девушка и настроение стремительно пошло в небеса. Я сразу купил нам по порции пломбира, запили мы ледяную сладость газировкой, а руки сполоснули в фонтанчике.

Неожиданно вышли к лодочной станции, — умеешь грести?

— Доводилось.

— Тогда я за билетиками.

Мы взяли на прокат двухместную лодку и почти час катались по Голицынскому пруду. Ольга несколько раз пыталась меня фотографировать с носа лодки, но я активно работал вёслами и замереть ради снимка на память не пожелал. За что меня наказали, обрызгав водой.

А когда шум центральной части нас начал утомлять, Ольга сказала:

— Пойдём, тут есть неплохое местечко. Через пять минут мы оказались в местечке, которое называлось Нескучный сад. И мы будто попали в другой мир.

Старые липы и дубы смыкались над дорожками. Воздух пах влажной землёй и листвою. Здесь почти не слышно музыку из парка. Лишь прогуливаются редкие прохожие, молодые

мамочки с колясками и пожилые пары. И здесь Ольга опять начала меня мучать, достав свою шайтан-машинку.

— Лёша, не надо позировать. Просто иди на меня.

Так мы неторопливо пошли к Москва-реке, я даже перестал реагировать на щелчки фотоаппарата.

А уже под вечер вышли к Пушкинской набережной. По реке торжественно плыл белый прогулочный пароходик. Солнце уверенно клонилось к горизонту, окрашивая воду в золотистый цвет. Мы молча облокотились о гранитный парапет. Девушка прижалась ко мне, обняв рукой со спины.

С реки подул свежий осенний ветерок и эта живая грелка меня ничуть не раздражала. От волшебства момента даже накатили философские мысли о бренности человеческого существования и вечности окружающего нас мира.

Дальнейшее было довольно неожиданно, меня просто развернули и прижали к парапету, а потом гибкие руки зацепили меня за шею и дышать стало нечем. Меня почти насильно целовали. Прикольно и можно сказать приятно. От девушки пахнет дорогими духами, а на губах ощущается вкус её помады. Если честно, я бы предпочёл сохранить наши прежние отношения. То есть дружеские, но у Ольги явно своё мнение на этот счёт. Ну а потом и я увлекся, и прижав её к себе, начал уже сам целовать девушку.

Сегодня выдался тяжёлый день. Николай Захарович перед тем, как взять почитать книгу перед сном, решил зайти в комнату дочери. Подойдя он негромко постучал:

— Оля, не спишь?

— Заходи, пап.

Ольга сидела перед большим трюмо в лёгком домашнем халате. Волосы были собраны в свободный хвост, на туалетном столике лежали расчёска, флакон французских духов и маникюрный набор. Дочь что-то мурлыкала себе под нос, полируя пилкой ногти.

Как же быстро прошло время, Оля так похожа на мать в молодости. Та же гордая осанка и форма носа. И когда улыбается, образуются такие же милые ямочки на щеках.

Невольно и Полипов улыбнулся от этой идиллической картинки.

— Па, ты что-то хотел?

— Да... просто давно не виделись. Всё дела... дела.

Он сделал два шага и очутился в центре спальни. На стене, прямо над письменным столом висела большая фотография Алексея Соколова. Тот стоял, уперевшись о каменный бортик и мечтательно смотрел куда-то в сторону.

Удачная фотография, подумал Полипов. Видимо дочь успешно осваивает подаренный три месяца назад навороченный фотоаппарат.

На книжном шкафу — ещё одна фотография, эта поменьше и на ней опять Соколов. Только на сей раз он сидит за вёслами и улыбается в объектив.

На комодке ещё одна, Полипов медленно снял очки.

— Оленька...

Дочь подняла голову и вопросительно посмотрела на отца.

— Что?

— А ты мне ничего не хочешь сказать?

— Пап, ты о чём?

— Ну, например почему в твоей комнате целых три фотографии этого парня. Нет, я бы понял, если бы это был Стриженов или Лановой. Но Оля, это обычный паренёк из глубинки. Да он довольно симпатичен, с ним порой интересно поговорить, но...

— Па-па, — тон дочери изменился, — это просто фотографии. Ты же сам хотел, чтобы я научилась, вот я и фотографирую.

— Да, но я боюсь, что ты увлечёшься им. Это будет большой ошибкой.

— Да, и отчего же? Потому что его родители не так успешны, как мои?

— Оль, он вообще сирота. Но я не об этом. Просто пойми, я тебе не запрещаю видится с ним. Но не вздумай переходить черту. Дружите, общайтесь, но не более.

Ольга покраснела, — папа, я давно уже не девочка.

— Для меня ты всегда будешь маленькой девочкой, требующей моей защиты.

— Тебе не о чем беспокоиться.

Полипов решил не давить сильнее на дочь.

— Ну и ладно, кстати — в воскресенье нас приглашают Боруновы. Помнишь, Геннадия Семёновича, он первый заместитель председателя Госплана. Его сын работает, а нашем посольстве в Финляндии. Вот, тот приехал в отпуск и родители приглашают гостей по такому поводу.

— Папа, ты опять за старое. В прошлый раз мы были на даче, кажется, министра тяжёлой промышленности. У которого ещё сынок увлекается западной музыкой и отращивает волосы как девчонка?

— А что тут такого, если тебе понравится мальчик из приличной семьи?

А когда дверь за отцом закрылась, девушка тихо встала и подойдя к фотографии, осторожно коснулась её пальцем, провела подушечкой по губам смеющегося молодого человека и прошептала, — поздно, папа.

Это монументальное полотно моему шефу заказало Министерство культуры РСФСР совместно с Союзом художников республики. Размер 3×5 метров. Заказана для Всероссийской художественной выставки «Мы строим страну», после которой полотно планируется передать в один из крупных музеев или областной Дом культуры. Предварительное название тоже впечатляет — «На строительстве Байкало-Амурской магистрали». Знакомые места.

Сюжет картины следующий:

Ранее осеннее утро. На переднем плане — собственно главные герои, строители, принимающие первый состав на новом участке. В центре композиции — бригадир с поднятой рукой. Справа — тепловоз, слева — молодые комсомольцы с воодушевлёнными лицами и горящими глазами. На дальнем плане — бесконечная сибирская тайга, сопки, утренний туман и холодное чистое небо.

И именно этот дальний план мне и доверили, весь целиком. Сам мэтр прорисовывает передний план. После того, как я смог оправдать его доверие, мне доверили кусок побольше. А затем академик просто скинул на меня всю вспомогательную работу. Такие работы в одиночку не пишутся. Там отметилась и наша единственная дама Елена.

Никитский обычно появлялся в студии после обеда. С утра он пропадал в институте, обедать же мэтр любил в Центральном Доме художника (ЦДХ) на Крымском Валу. А ещё у него частенько проходили всякие важные встречи. Так что полотно было установлено на широком помосте и мы с Леной прорисовывали каждый свою часть, исключительно по ежедневным указаниям шефа. Девушка работала на передвижной площадке, на расстоянии метра-двух от меня. Я тоже работал на стремянке и порой нам приходилось обращаться друг к другу за помощью. Я помогал Елене взобраться на её насест и подавал кисти и баночки с краской.

— У меня охра закончилась, спасибо...

— Возьми мою кисть, она пошире, ею удобнее смягчать кромку.

Мы почти не разговаривали, в мастерской слова вообще не любили, так поставил шеф. Порой мы одновременно тянулись к палитре и наши пальцы сталкивались, это вызывало неловкую улыбку Лены:

— Извини.

— Ничего.

А потом подобные мелочи перестали нас смущать настолько, что я без всяких сантиментов снимал девушку с высоты, подхватывая за талию и она даже не краснела. А что тут краснеть, когда целый день работаешь рядом. Порой я заваривал чай и подавал его в больших кружках наверх. Так мы и сидели друг напротив друга, болтали ногами и прихлёбывали чай.

— Здесь похолоднее?

Лена кивнула, отойдя от картины. Иногда достаточно одного взгляда, чтобы понять, какую кисть или какой оттенок просит она. Порой один из нас выступал в роли ассистента. Так что работа над одной картиной сблизила нас настолько, что на обед мы стали ходить вместе в районную столовку. Или я после рабочего дня провожал девушку до остановки её автобуса. Говорили мы по-прежнему мало, потом кивали друг другу и я толкал её в спину, пытаясь дать закрыться дверям переполненного транспорта.

Глава 3

Постепенно мой быт наладился. Освобождался я после трех и частенько выбирался посмотреть Москву. Стыдно сказать, но в прошлой жизни ни разу не был в комплексе ВДНХ. Правда в моё время он был виртуальным, зато сейчас я почти десять дней затратил на обход всех павильонов. Впечатление сильнейшее, я будто окунулся в историю своей страны.

Вечерами выбегал на пробежку в прилегающем к нам сквере, а ещё мне удалось познакомиться с одним интересным парнем. Тот младше меня, ему лет двадцать пять. Николай с Харькова, но после армии его занесло в столицу. Коля до армии и во время службы серьёзно занимался борьбой и самбо, а позже принял предложение своего армейского командира, пошёл работать в милицию. Сейчас пока парень живёт в общежитии как и я, но если женится — появятся шансы получить комнату. Высокий и физически развитый, он вечерами бегал в нашем сквере. У нас даже нашлось ещё одно общее увлечение — мы вместе ходили в кинотеатры. А потом бурно обсуждали понравившиеся фильмы.

Вот например вчера смотрели только что вышедший в прокат фильм «Мужики» с Александром Михайловым в главной роли. Фильм зацепил, но Николай считает, что вот так с бухты барахты вешать на себя двух чужих детей и собаку в придачу — мягко говоря глупо. А я затрудняюсь ответить, тут всё зависит от ситуации.

Мой сосед Гриша в плане общения мне не так интересен. Вообще непонятно, почему тот выбрал профессию скульптора. Ведь он потомственный торгаш. Отец работает шеф-поваром в одном из самаркандских ресторанов. Матушка тоже не промах, трудится товароведом в универмаге. Будущая жена правда простая учительница, тут Гриша однозначно не доработал.

Парень великолепно готовит, и это не обязательно блюда национальной кухни. Вот намереваясь потушить мясо с картошкой в овощах. Так мы за два дня уничтожили казанок, ели на завтрак, обед и ужин. Очень вкусно, повезло же его будущей супруге.

А вот насчёт высокоморального общения у нас туго. У Григория всего два способа проводить досуг. Это кроссворды и просмотр телепередач. Всё, поэтому в те вечера, когда погода не позволяет побегать, я устраиваю себе музыкальную разминку. Ну это я так называю данные упражнения.

На первом этаже общежития в самом конце коридора есть комната, которую почему-то называют «Красным уголком». И хотя стены у неё отнюдь не красные, я хожу туда заниматься. Ключ беру у нашей вахтёрши. Несколько лет назад у местного начальства возникла гениальная мысль организовать вечерний досуг проживающих в нашем общежитии. Бывшую кладовку отремонтировали, завезли немудрёную мебель, даже купили телевизор и...

Как всегда кто-то поторопился. Замысел был в том, чтобы народ не бухал вечерами в комнатах, а культурно отдыхал за чашкой чая и просмотром познавательных программ. Но у нас чисто мужская общага и парни предпочитали в комнате с комфортом смотреть футбол, пить пиво, курить и ругаться на мазилу-нападающего и продажного судью. А вместо этого их зачем-то согнали в одну комнату и заставляют пить обычный чай под передачу о Советском балете. Идею очень быстро похоронили, столы и стулья раздали по комнатам, телевизор поставили в вестибюле и единственно ценной вещью в этой комнате оказался старенький проигрыватель и стопка грампластинок.

Вот я и очистил себе место в центре комнаты, прибрался и включая бодренькую музыку в стиле диско, делал свою разминку.

Ничего такого, кое-что из прошлой жизни. После такой часовой тренировки я сразу шёл в душ, самочувствие от движения под музыку подлетало на невиданную высоту. А ещё мне нравилось то, что мне никто не мешал. Народ у нас преимущественно творческий и в этот закуток никто не лез.

С Ольгой часто встречаться не получалось. Если честно дело тут не в ней, а во мне. Я инстинктивно избегал общих прогулок, где мы бы оставались наедине. Девушка что-то там себе надумала и постоянно вторгается в моё личное пространство. То коснётся моей руки, может провести ладошкой по щеке, типа я чем-то запахался. У неё маниакальная необходимость заполнять собою всё моё существование. Она зачастую активно приглашает меня к себе домой, а ещё у неё масса близких подруг, у которых постоянно что-то хорошее происходит. Дни рождения, свадьбы и прочие праздники. И, конечно же Ольге требуется провожатый и охранник. А то она бедная потеряется и её любой сможет обидеть.

А вот у меня такой необходимости совсем нет. Да, мне нравится проводить с девушкой время, но не более того. Поэтому у меня всегда масса отговорок и совсем нет времени на встречи. Всё забирает работа, без остатка. Но вот выбраться в Третьяковку или в один из московских театров — это я всегда «за».

— Техника неплохая, но какой идиот тебя учил так рисовать, — это была первая реакция наставника на мою дипломную работу.

— Посмотри, ты прорисовал передний план вплоть до травинки, средний тоже и ведь дальний также испорчен. А где, я спрашиваю, воздух?

Спорить с Никитским бесполезно, поэтому я просто переминался с ноги на ногу и внимал.

— Ты не пишешь картину, ты инвентаризируешь действительность. Пойми же, чужак человек. Человеческий взгляд так не видит. Он выделяет главное. Если одинаково подробно писать всё — взгляд теряется и композиция распадается. Запомни — художник обязан не копировать мир, а управлять вниманием зрителя.

Такова была его реакция тогда осенью, при поступлении в его мастерскую. А вот по происшествию нескольких месяцев, когда мы уже заканчивали его огромное полотно, мэтр изменил своё отношение ко мне. Он перестал меня унижать при всех и даже где-то приблизил к себе.

Настолько, что разрешил самостоятельной выбирать сюжет новых работ. Вот я и преподнёс ему небольшую картину «Александр Невский после ледового побоища». Выполнена в моём фирменном стиле, детали были мной изучены ещё в прошлой жизни, только теперь я создал картину исключительно с помощью своей кисти и натуральной палитры с красками.

Мастер рассмотрел её с разных углов зрения, подобрав наиболее удачный свет замера:

— Такое ощущение Алексей, что ты боишься доверять зрителю. Вот всё есть, и цвет и перспектива. Но ты пытаешься всё разжевать, а где же тайна? Где место фантазии?

Он опять отошёл чуть подальше, — но что-то стоящее тут имеется. Персонажи выглядят так, будто ты писал с натуры. Есть ощущение личного присутствия, вроде как сам находишься внутри картины.

При всём при этом Никитский разрешал мне пользоваться своими материалами, но исключительно в нерабочее время. А так я по-прежнему делал черновую работу, помогал мэтру с его картиной и занимался как и все остальные рутинной. То есть как стажёр я вместе с ребятами работал над этюдами и копиями. А вот когда все уходили, доставал из угла накрытый тряпкой мольберт и пока был хороший свет рисовал то, что мне было ближе. И когда у меня уже образовалось пять картин, неожиданно мэтр полез зачем-то в тот угол и выволок их на свет божий.

— Соколов, если ты намерен продолжать заниматься своими вещами, будь поэкономней с материалами. Холсты то казённые, — но сказано это было для порядка и тон вполне добродушный.

— Опять этот XVII век?

— XVIII.

— История сейчас не пользуется спросом. И ещё — купите альбом по русскому оружию этого времени. Если уж пишете исторические вещи, не ошибайтесь в мелочах.

Больше чему уверен, что как раз мелочи у меня абсолютно достоверны. Скорее в альбоме есть неточности. Но Никитскому знать об этом не обязательно. Радует уже то, что он не запретил мне «мазню про императорскую Россию».

— Лёша, я взяла на вечер билеты на спектакль. Это улёт, вся Москва стоит в очередях и ищет случайный билетик. Цени, а я смогла достать парочку. Так что в семь у «Ленкома», смотри — не опаздывай.

Я не знаю, что меня больше поразило — скромный, почти домашний интерьер театра или настоящее вечернее платье моей спутницы. Просто я привычно выглядывал девушку в джинсах или простой юбке, вылезшей в помятом виде из переполненного троллейбуса. А тут подъехала чёрная «Волга» и водитель церемонно открыл заднюю дверь.

Сначала показалась голая до бедра ножка, затем вылезла Полипова. На ней длинное тёмно-синее платье с разрезом по ноге и наброшенная на плечи белая шубка. Тонкая нитка жемчуга на груди и высокая как у фотомодели причёска. Девушка царственным жестом подала мне руку и мы поднялись по ступенькам в тёплое нутро вестибюля.

И этим восхищается вся Москва? Я в недоумении. Убогие чисто условные декорации, небольшой оркестр и примитивные светоэффекты. И ведь это не обычная постановка Чехова. Это рок-опера «Юнона и Авось», обещаны навороченные спецэффекты и новшества.

Но ни голограмм, ни объёмного звука, ни богатых декораций. Минут пятнадцать я откровенно мучался и старался не мешать своей спутнице. Вот та вся целиком на сцене.

Но постепенно декорации ушли на задний план и остались люди. Их голоса, красивая музыка и эмоции.

А как же хорош Караченцев. Нет, он далеко не красавец и с вокалом у него не всё безупречно. Но его невероятная внутренняя энергетика поражает, как он вжился в роль графа Резанова. Актер буквально заразил зал своим состоянием.

И эта волшебная музыка Рыбникова. В моё время технологии позволяли производить идеальный звук. Но создавать музыку, которая погрузит публику в состояние наслаждения, искусственному интеллекту не суждено.

Финал заставил меня разволноваться, а Оля просто вцепилась мёртвой хваткой в мою руку и отпустила только когда занавес опустился.

Последняя сцена... молитва и тишина. Никто в зале не кашляет, не шуршит программкой и не двигается. Когда погас свет, несколько секунд стояла гробовая тишина.

И только потом зал буквально взорвался аплодисментами.

К выходу шли молча.

— Хочешь пройти за кулисы? Посмотришь театр изнутри.

Я оглянулся на опустевший зал иотрицательно покачал головой. Не хочу разрушать ощущение волшебства. Вот сейчас увижу того же Караченцева с сигаретой в зубах, отпускающего скабрзные шутки своей партнёрше Елене Шаниной и сразу ощущение чуда улетучится.

И я только значительно позже в комнате общежития подумал, откуда у Ольги такие связи, чтобы проводить друзей за кулисы? Сомневаюсь, что её папаша имеет такой вес среди актёрской братии.

Мой приятель Николай занятный тип. В юности он был хулиганистым парнишкой.

— Батя работал на Харьковском тракторном заводе, и жили мы недалеко, около парка Маяковского. Курить я начал рано, лет в девять. Пить немного позже.

Мы с Колей устроились у столика возле окна. В пивбаре накурено, пахнет пивом и вяленой рыбой. Но у окна немного посвежее.

— Мы тогда соревновались с бабулками, — Коля сделал мощный глоток пенного напитка и отставив бокал, мечтательно посмотрел на пешеходов на улице.

— Представляешь, окончилась первая смена и двадцать пять тысяч рабочих с ХТЗ дружно вываливаются через три проходные на волю. И вся эта толпа рассасывается по улицам. Некоторые идут на автобусные остановки и разъезжаются по домам. Но большая часть хочет скинуть напряжение после рабочего дня и промочить горло. На Бульваре Мира подряд стояли несколько гастрономов, где народ покупал водку, портвейн и немудрёную закуску типа плавленого сырка и пирожков. И вся толпа разбиваясь на группки топала в парк. И устраивалась там на травке. Вот только одна беда — стаканов нет. Не пить же с горла как бомжи какие. Но тут всегда крутились местные бабулки. У тех свой интерес, — сынки, я вам дам баночки, только оставьте мне пустые бутылки.

— А бутылка между прочим стоила 12 копеек. Вот предприимчивые бабки, живущие рядом и предлагали маленькие двухсотграммовые баночки или стаканы работягам. Сами садились невдалеке и ждали, когда освободится тара. А наша задача была успеть перехватить эти самые бутылки.

Коля опять сделал солидный глоток, добив первый бокал и решительно придвинул к себе второй:

— Работяги долго не сидели, им ещё домой ехать, а завтра опять на работу. И как только они подымались, мы бросались к ним и цепляли добычу в виде пустых бутылок. Бабки вопили, проклиная нас на все лады. А нам пофигу, главное увести хотя бы десяток бутылок. В киоске приёма тары за десять штук давали рубль двадцать. А бутылка плодового-ягодного вина в магазине на проспекте стоила рубль ноль две. Пачка «Примы» ещё четырнадцать копеек, оставалось даже на коробок спичек. Закусывали зелёными абрикосами с дерева. Так что вечер благодаря пустым бутылкам считался удачным.

— А у тебя весёлое детство было.

— Ещё какое. Несколько раз попадал в детскую комнату милиции. Если бы не тренер по вольной борьбе, наверное бы плохо кончил. А так в армии увлёкся самбо и после дембеля подался в Москву. Сейчас вон уже старший сержант и думаю поступать в высшую школу МВД.

Колян классный парень, с ним легко. Но есть у него один существенный недостаток. Он сущий бабник. Не из тех, кто волочит за любой юбкой. Просто парень уж очень влюбчив и каждую неделю влюбляется в очередной раз. И, разумеется — окончательно и бесповоротно. При этом он описывает прелести своей очередной пассии так красочно, что потом становится даже интересно. Сколько же ему потребуется дней разочароваться в ней. И порой Николай просит меня составить ему компанию. Ну, типа у неё есть подруга, а сама она стесняется, — ты же не сможешь бросить меня одного. В среду нужно встретить их у входа в парк, тебе главное отвлечь внимание её подруги. А там можешь сваливать. Никто уже не заметит.

Я же всегда находил вескую причину отмазаться. Бродить по холодному скверу и изображать светскую беседу с абсолютно незнакомым человеком, только ради того, чтобы мой приятель попиарился на моём скромном фоне... Ведь и идиоту понятно, что моя роль — косноязычный и закомплексованный свидетель торжества сплошь положительных качеств будущего следователя или даже прокурора... Удовольствие так себе, ниже среднего. Уж лучше вечером потерпеть Гришкины слюни. Вот мой сосед по комнате не совсем стандартная личность. При наличии массы положительных черт, а к этому можно отнести не только умение великолепно готовить. У Григория отличная память на даты, события и тексты. Он свободно читает длинные басни из школьной программы, сходу назовёт фамилию актрисы второго плана из старого фильма. Также он легко умножит двухзначные числа и при всём этом я бы назвал его аутистом в лёгкой форме. Гриша порой напоминает ребёнка, он теряется в обычных ситуациях и в обычной жизни доверчив и беспомощен.

Иногда мне даже становятся неудобно, сосед по комнате так радуется, когда я хвалю его стряпню... Судя по его рассказам, коллеги охотно пользуются этой стороной его личности. Гриша способен сконцентрироваться на конкретной задаче и сделать её на 100%. Но в целом ему трудно выдержать московский ритм жизни. Отсюда и его стремление не выходить за пределы общежития. Он готов в одиночку убираться в комнате, готовить и даже тратить свои деньги, лишь бы я относился к нему как к взрослому человеку.

— Ты главное делай морду кирпичом и топай за мной. Ни с кем не говори, будут пытаться — скажешь, что с телевидения.

Как выяснилось, Ольга не просто так водила меня на спектакль этого театра. А когда она вчера позвонила к нам в мастерскую и предложила сопровождать её на некоем вечере, где будут представлены актёры «Ленкома», я ни секунды не думал, сразу согласился.

А пока подруга вводит меня в курс дела:

— Главная редакция литературно-драматических программ Центрального телевидения готовит передачу о «Ленкоме». Через три недели должна выйти программа, посвящённая новому спектаклю и вообще творческому пути театра. А сегодня там будут показательные выступления. Так они называют юбилей кого-то из старожилов. Ну а после официальной части планируется небольшой капустник.

Видя мою недоумённую. Физиономию девушка пояснила, — ну капустник... у вас не было ничего похожего? Это шуточное весёлое представление, где артисты будут шутить и делать пародии. Чисто для внутреннего круга.

— Ясно, а мы как попадём в этот самый круг?

— Так я же объяснила, мы группа с телевидения. А ты мой помощник.

Заходили мы со служебного входа, — а это мой ассистент, — и в меня небрежно ткнули рукой. Я лишь пригнул голову и поправил ремень сумки, а которой находился относительно небольшой магнитофон для записи интервью с главным режиссёром.

Да, это совсем другой театр, никакой тождественности вестибюля и главного зала. Ковровая дорожка глушит наши шаги, я же с интересом осматриваюсь — все стены увешаны фотографиями спектаклей, пожелтевшими афишами и портретами актёров. Некоторых я узнал, Ольга уверенно торила нам дорогу, с нею здоровались, а вот меня игнорировали начисто.

Это был простой репетиционный зал. Высокий потолок, огромные окна, потёртый деревянный пол, вдоль стен — штабеля старых венских стульев и сложенных декораций. У дальней стены стоял рояль, накрытый тёмным чехлом.

На середине помещения были составлены вместе несколько столов, там стояли бутылки с напитками и нехитрая снедь в виде бутербродов и колбасной нарезки.

Но народ кучковался в противоположном углу. Там расставлены стулья в несколько рядов, вольготно сидят и стоят сами актёры. А на небольшой импровизированной сцене восседает за столом театральное начальство.

На нас никто внимания не обратил, в воздухе умеренный многоголосый гул. Я бы сказал, что человек сорок тут наверное собралось.

Оля склонилась ко мне и называет сидящих за начальственным столом.

— В центре — это Марк Захаров, их главный режиссёр. Рядом Пельтцер и Леонов. С другой стороны, по-моему, Ларионов. Ну а этот, который цветёт и пахнет — видимо юбилар. То ли художник-постановщик, то ли хормейстер.

Глава 4

Разумеется, меня больше интересовали те, кого я неоднократно видел по телевизору и на экранах кинотеатров. Вон Евгений Леонов, в первом ряду Инна Чурикова, она склонилась к молодой и красивой женщине. Так это же сама Ирина Алфёрова, что играла Констанцию в «Трёх мушкетёрах». Большинство артистов я не признал несмотря на то, что Ольга назвала их фамилии. А вот стоящих и оживлённо беседующих Збруева и Янковского узнал. Караченцев вообще собрал возле себя целую группу из молодых девчонок и на пару с Абдуловым веселят общество.

Надо отдать должное, с говорильней тянуть не стали. Несколько человек толкнули заздравные речи, потом представитель профкома вручила юбиляру что-то, похожее на большие напольные часы и народ дружно потянулся к столам.

— Ольга Николаевна, Марк Анатольевич сможет поговорить с Вами через десять минут. У вас всё готово? — это женщина-администратор нашла нас и заговорщицки пригласила товарищей с телестудии заняться делом, рад которого мы сюда и пришли.

Но ждать нам пришлось намного дольше, нас усадили за самый крайний столик и предложили перекусить. Лично я проголодался и выбрал бутылку с минералкой и пару приличных на вид бутербродов.

— Так, Лёша, мне ты там будешь только мешать. Так что приобщайся к высокому искусству. Много не пей и к молоденьким артисточкам не приставай. В общем жди меня, — Ольга встала и пошла за сопровождающей на выход из помещения.

Мне осталось лишь приглядываться, как ведут себя любимцы страны в непринуждённой обстановке.

А точно так, как и остальные. Вот разве что никто не торчит за столом и не накачивается дармовым спиртным. С ним кстати тут небогато. Видимо артисты умеют веселиться и без этого.

Вон Караченцев раздобыл гитару и бренчит на ней, труппа театра разбилась на кучки и активно общаются. Слышны взрывы смеха, он перекачивается негромкими волнами по залу. Тут и анекдоты, и забавные случаи на гастролях. Евгений Леонов, разумеется, в центре внимания. Шанина с Алфёровой обсуждают свои дамские заботы, как обычные женщины на корпоративе.

Атмосфера в зале абсолютно непринуждённая, возможно — труппа радуется предстоящему выходному. А тут ещё кто-то включил магнитофон и зазвучала ритмичная дисковая музыка и появились предложения потанцевать. Но мэтры и те кто постарше не особо хотели покидать свои уютные стулья и пара девушек из молодых артисток или ассистенток начали со смехом тянуть народ из-за столов.

— А тебе что особое приглашение нужно, — меня бесцеремонно потянули на центр зала, где десяток активистов обоего пола изгибались и притоптывали в такт музыке. Забавно смотреть, как Ирина Алфёрова чуть в стороне пританцовывает, делая волнообразные движения тазом и вяло работая согнутыми в локтях руками. А вот меня взяли в оборот три девицы, эти явно сработанная банда. Потому что двигались они удивительно слаженно. Шаг в сторону — поворот, лёгкий прыжок, одновременно согнутые колени и хлопок в ладоши над головой. Снова поворот, быстрый полукруг, и все трое, смеясь, будто по команде опускались почти до пола, показывая немалую гибкость. Народ расступился и подбадривает эту троицу. Наверняка домашняя заготовка.

Ну, а так как с двигательной памятью у меня всё в порядке, я решил пристроиться к ним. Это однозначно лучше, чем медленно притоптывать вместе со всеми.

К концу песни мы почти сработались и даже менялись местами, а мне удалось даже кое-чем их удивить.

— И откуда ты у нас такой красивый взялся? — зазвучала медленная мелодия, кто-то вернулся за стол, а меня подхватила одна из девушек.

— Ты хореограф? Больно пластика у тебя своеобразная.

Мне осталось только улыбнуться и прокрутить девушку вокруг оси:

— Нет, я типа помощника звукорежиссёра. Мы с телевидения и моя коллега берёт сейчас интервью у вашего главного.

— У Захарова? Что-то ты не похож на телевизионщика.

— Да я, собственно, тут оказался случайно. Вообще-то я художник.

— Серьёзно, а ещё ты космонавт и дирижёр Большого театра...

— Нет, честно. Я окончил художественное училище и сейчас стажируюсь в мастерской академика Никитского.

— Не знаю такого, а танцевать где научился?

— Нигде, сам для себя больше танцую.

Девушка была удивительно приветлива и с нею легко общаться. Высокая и тоненькая как тростинка. Ей на первый взгляд лет двадцать пять, длинный светлый волос собран в пышный хвост. Глаза такого редкого льдистого оттенка, симпатичное немного скуластое лицо, пухлые задорные губки и смешливые глаза. Лицо очень живое и выразительное. Всё это убойное сочетание так на меня подействовало, что, когда после медляка она снова потащила меня за руку в круг, я пошёл как телёнок. Но на сей раз не стал никого копировать, наоборот на несколько секунд замер, приводя мышцы в тонус и собираясь с мыслью.

Настя Беляк родилась в Барнауле, что в Алтайском крае. Родители не имели никакого отношения к искусству. Папа — инженер железнодорожник, мама учительница русского языка и литературы. Настя с детства занималась в театральном кружке при Дворце культуры. В Новосибирское театральное училище девушка поступила сама и с первого раза. Повезло, когда на последнем курсе она понравилась помощнику главного режиссёра московского театра и получила весьма щедрое предложение. Так с 1978 года Анастасия и оказалась в труппе Ленкома. Все преподаватели и старшие товарищи уверяют, что у Насти большое будущее. Но пока ей достаются исключительно роли второго плана. Три года девушка играет служанок, участвует в эпизодах и массовых сценах. В юности она занималась хореографией и это качество используют режиссёры в постановках. Но пока что ни одной серьёзной роли.

На обычной вечеринке театра Настя оказалась случайно, подруга уговорила. У кого-то из старпёров юбилей и чем коротать вечер в общежитии, лучше провести его в стенах родного театра. А заодно и перекусить.

Этого парня Настя заметила сразу, он пришёл с высокой девицей и оживлённо крутил головой, явно оказавшись впервые среди актёрского братства. Чужие редко попадают на закрытые внутренние мероприятия, возможно он новенький.

— Симпатичный мальчик, кто-нибудь его знает? — это подруга Лара сразу сделала стойку на него.

Труппа театра только кажется одной большой и дружной семьёй. Внутри же существовало несколько кружков, возглавляемых грандами. Внутренняя атмосфера театра пропитана старыми дружескими и не вполне таковыми связями. И столь же стойкой неприязнью. Коалиции все против всех сколачиваются и так же стремительно распадаются. Застарелые обиды сталкиваются с реальностью и трансформируются в то, что заставляет фальшиво улыбаться и аплодировать коллеге по сцене. Заключаются временные союзы и такие же недолговечные перемирия. И мужчины в этом плане ни в чём не уступают слабому полу.

Кому досталась роль и кого Захаров похвалил на репетиции...

И хуже всего — главреж охотно поддерживает эту схватку под гладью воды и управляет своим сложным коллективом, умело интригуя и направляя эмоции в нужную ему сторону.

И никто не отменял своеобразную дедовщину. Старшее поколение, когда-то прошедшее через годы массовок, бессловесных выходов и унижительное ожидание приличных ролей, считало своим долгом проследить, чтобы молодёжи путь на сцену тоже не достался слишком легко.

Анастасия сразу сошлась со своими соседками по комнате, Ниной и Ларисой. Все приехали из глубинки и вынуждены терпеть высокомерие коренных москвичей.

Нина — симпатичная волоокая красавица слегка в теле, она меланхолик по складу характера и никогда не лезет вперёд.

А вот Лара — та скорее заводила, вот и сейчас Насте пришлось опередить подругу и выпалив что-то бойкое потащить новичка в круг. Парень оказался удивительно пластичен и даже ухитрился вписаться в их фирменный танец, который девчонки отшлифовывали несколько вечеров в своей комнате.

В медленном танце парнишка всячески пытался соскочить с темы и выдавал себя то за работника телевидения, то за художника. Но общаться с ним было легко и приятно. Есть в нём что-то особенное, что заставляло не отпускать от себя. Вон как Лариска крутится рядом. Но когда зазвучала модная в последнее время композиция «Let's Groove» западной группы «Earth, Wind & Fire» — всё изменилось. Эту запись принёс кто-то из технарей, альбом 1981 года и в народе ещё хождения не имел. Наверняка привезли ребята из посольских, кто ездит в загранку.

Они с Ларкой и Ниной, раскрасневшиеся от попрыгушек, собирались отчалить к столу освежиться. Народ здесь степенный и бешенная, вся на ударных и басах мелодия, заставила большинство ретироваться.

Он замер чуть в сторонке, потом начал двигаться. Явно танцевал для себя, глаза почти прикрыты, ни на кого не смотрит, возможно даже не замечает ничего кроме музыки.

Поначалу парень просто будто проверял себя, делая осторожные движения. Это напоминало разминку, ничего такого, чтобы стоило игнорировать охлаждённый лимонад на столе.

И вдруг несколько пружинистых шагов, лёгкое движение плечами, поворот. Через несколько секунда подруги смотрели уже только на него.

Парень очень оригинально двигался, ничего похожего Настя не видела. А ведь она в свое время занималась в хореографическом ансамбле и у них были опытные преподаватели. А этот будто движениями тела разбирает музыку на части.

Ноги жили в басу — быстро, почти не отрываясь от пола:

Носок, пятка, скольжение, переступ, и вдруг обе ступни разом меняли направление, хотя корпус продолжал двигаться вперёд. Плечи отвечали ударным. Кисти — каким-то едва слышимым высоким звукам. Даже голова двигалась отдельно: короткий наклон, остановка, поворот — точно на музыкальный акцент.

Но самое странное происходило с корпусом. Очередной удар барабана попал ему в правое плечо. Оно дёрнулось назад, движение перекатилось через грудь, отчётливо прошло по животу и ушло в левую ногу.

Настя невольно выпрямилась, — Ларка, глянь что делает.

Та тоже смотрела не отрываясь, — обалдеть. — Но больше ничего сказать не успела.

Незнакомец вдруг резко подался назад. Насте даже показалось, что он сейчас упадёт. Но он отклонился ещё. Так невозможно стоять, это нереально для человеческого тела. Оно выгнулось под немыслимым углом, почти прямой линией от колен до головы. Но вместо того, чтобы рухнуть, парень словно завис на мгновение — и следующим ударом музыки вернулся в вертикальное положение.

— Это как? Он что, из цирковых? — тихо спросила Нина.

Но ответить было некому. Парень присел, но тоже как-то неправильно: колени разошлись, корпус почти лёг между ними, одна ладонь на мгновение коснулась пола. И из этого положения он не поднялся, он практически выстрелил вверх, развернувшись в воздухе.

Приземлился мягко. Вот это Настя оценила, прыгать умели многие. Она сама неплохо умела. Но после прыжка человек всегда ловил равновесие — хоть полшага, хотя бы движение плечом.

Этот не ловил. Он уже приземлился в следующую фигуру.

В зале большинство стали разворачиваться к центру зала. Разговоры возле стола стихли. Караченцев застыл с бутылкой вина и сигаретой в зубах, Чурикова перестала что-то втолковывать соседке, танцующие остановились, сформировав этаким полукруг.

А тот, казалось, ничего не замечает. Почему-то Насте показалось, что и танцует парень исключительно для себя.

На несколько секунд его тело превратилось в какое-то невероятное собрание шарниров. Двигалась только кисть, тело закаменело. Потом движение поползло вверх: кисть- предплечье-локоть-плечо. Перебралось через шею на другое плечо и стекло по второй руке до кончиков пальцев. И каждое движение строго в такт музыке.

И вдруг обратный процесс, но в ускоренном ритме. Ещё быстрее, будто по телу перекачивали невидимый шарик. Кто-то за спиной Насти произнёс:

— Это где такое преподают?

Музыка ускорилась, приближаясь к финалу. И танцор будто ждал этого, теперь он двигался всем телом. Ступни мелькали так быстро, что Настя престала понимать — какая нога опорная. Он вращался, внезапно уходил вниз, почти касался пола плечом и снова взлетал вверх.

Ни одного лишнего движения. Причём всё подчинено музыке, каждый инструмент получил собственную часть его тела. Бас управлял ногами, ударники грудью и плечами. На гитарные переборы отзывались руки. Короткие выкрики солиста — голова. И всё это удивительным образом не превращалось в дерготню. Наоборот — движения каким-то чудом складывались в одно гармоничное целое.

Прозвучали последние аккорды. На первый дёрнулось плечо, на втором повернулась голова, на третий он обернулся, и музыка закончилась. Осталась худощавая и гибкая фигура незнакомца в чёрных штанах и такого же цвета тонком обтягивающем свитере. Застыл в той позе, в которой застала оборвавшаяся музыка. А когда выпрямился, стало уже сложным представить, что только что здесь он вытворял то, что заставило присутствующих вдруг взорваться аплодисментами.

В какой-то момент я немного отпустил тормоза и отдался музыке. Двигался так, как привык на своих музыкальных разминках. Разве что позволил себе вспомнить телу кое-что из прошлой жизни.

А когда наступила тишина я с недоумением замер в звенящей тишине. Потом крики и громкие хлопки, очень захотелось промочить пересохшее горло. И исчезнуть подальше от этого излишнего внимания. Но откуда-то сбоку вынырнула Ольга с сумкой на плече:

— Соколов, вот ты где. Я же просила никуда не уходить. Всё, валим отсюда. Я закончила, предлагаю посидеть где-нибудь и перекусить. С самого утра ничего не ела. Давай, двигаем за нашими вещами.

— Тебя искали. Сам Аркадий Семёнович тобой интересовался. Ты точно ни с кем не познакомился тогда на юбилее?

После того вечера прошло две недели и я уже позабыл про тот случай. Нет, лукавлю конечно — забыть такое невозможно, на моём месте мечтали бы очутиться миллионы. Но

острота впечатления однозначно потускнела. А тут Полипова при нашей очередной встрече заставила меня напрячься.

— Прости, а что это за важный человек — Аркадий Семёнович?

— Ну ты валенок, Фридман Аркадий Семёнович действительно важный человек. Он является заведующим труппой и для любителя театра и поклонника всего возвышенного очень полезный товарищ.

— А-а-а...

-Да-а-а... Кстати папа просил передать, чтобы ты позвонил нам домой. Что-то связанное с вашими делами.

А вот это заставило меня и в самом деле заволноваться. По устной договорённости Николай Захарович обязуется не только устроить меня мастерскую именитого художника, но и активно проталкивать меня к выставочному уровню. Если и не индивидуальный, то хотя бы на молодёжный или групповой. Разумеется сначала мне предстоит ассистировать Никитскому, что я и делаю. Но тут нужно время, я ведь в стажёрах всего полгода. Нужна рекомендация академика и аппаратная помощь. Полипов должен будет найти влиятельно человека из Союза художников или управления культуры, чтобы на меня обратили внимание и не затюкали как всех молодых. Пустить слух, что у Никитского дескать появился талантливый новичок, рекомендуем присмотреться. Но сейчас чересчур рано для подобных активных действий.

Полипов выбрал кафе «Восток», совместное появление в ресторане может привлечь ненужное внимание. Болтаться по зимнему парку — тоже не лучший вариант. Поэтому служебная «Волга» второго секретаря Московского обкома подобрала меня после работы и вскоре мы устраивались в полупустом помещении обычного кафе.

— Давай Алексей, заказывай. Рекомендую взять шурпу и шашлык из баранины.

Назло мужчине я попросил официантку принести мне две самсы и порцию плова.

Глава 5

Как любой опытный человек, Полипов сначала дал нам спокойно насытиться. И только когда принесли большой заварной чайник с зелёным чаем, позволил себе откинуться на спинку стула и начать разговор.

— Лёша, я отслеживаю твою работу у Никитского. Он тебя хвалит и я уже работаю над тем, о чём мы договаривались. Но у меня к тебе просьба.

Полипов отхлебнул ароматный чай и отставив кисюшку в сторону, протянул ладони, будто грея их.

Начало мне сразу не понравилось. Обычно тот либо предлагал, либо сообщал о принятом решении. А чтобы вот так просить — это значит что-то случилось. Но я показал, что внимательно слушаю.

— Нам придётся немного изменить договорённость.

Я промолчал, предоставляя ему возможность высказаться.

— Знаю, что ты сейчас скажешь. Сначала твоя выставка, потом я. Да, именно об этом мы и договорились. И я от своих обязательств не отказываюсь. Мы тебя протолкнём, — заметив выражение моего лица, он поправился.

— Не протолкнём, а дадим возможность нормально показать свои работы, — Полипов сделал ударение на слове «нормально».

Прислушавшись к своим словам он удовлетворённо кивнул.

— Тогда что изменилось?

Мужчина машинально поправил ворот рубашки:

— Кое-что случилось, вернее может случиться, если ты мне поможешь.

— Слушаю, — повторил я.

— Ты ведь думаешь, что назначения у нас делаются в кабинетах за глухими дверями?

— А разве нет?

Он усмехнулся, — нет, в кабинетах их только оформляют.

Полипов замер на секунду, — в следующие выходные меня пригласили на охоту. В Калининской области. Хорошее охотничье хозяйство, закрытое мероприятие. Кабан, может будет лось. Обязательно обильный стол и ночёвка.

— Неплохо, поздравляю.

— Не с чем пока поздравлять. Приглашение пришло из ЦК. И компания там будет соответствующая.

Наконец-то я начал понимать.

— Вас проверяют?

— Не говори глупости. Меня уже давно проверили. Скорее на меня будут смотреть.

Это он произнёс совсем другим тоном.

— Как на кого?

— Лёша, я тебе доверяю и поэтому рассказываю как есть. Был разговор о моём переводе в аппарат ЦК. Пока на предварительном уровне. Ни конкретная должность, ни самого решения. Возможно, вообще ничего не получится. Но пойми, просто так руководители уровня отделом ЦК не приглашают на приватное мероприятие. Просто хотят увидеть меня поближе.

— И для этого обязательно нужен кабан?

Полипов усмехнулся, — кабан совсем не обязателен. В конце концов нам привезут уже разделанного и приготовленного. Тут другое, это своеобразное братство, начало которому когда-то положил сам Леонид Ильич. Только до Завидово я не дорос пока. Вот и мне придётся посидеть за столом часов пять, с соответствующими излишествами и возлияниями. А потом подъём в пять утра и выход на мороз, а там снегу по колено. Несколько часов торчать на

номере. Потом опять стол, выпивка, баня и только тогда действительно серьёзные разговоры. Понимаешь?

— Кажется да, Вы не уверены, что будете в приличной форме к концу мероприятия.

— Лёша, я не уверен, что вообще доживу до утра. То, что я мог в сорок пять — сейчас уже точно не потяну. Так что моя просьба состоит в том, чтобы мне провели эту процедуру уже сейчас.

Хм, действительно выглядит мой собеседник не блестяще. Полипов располнел, под глазами солидные мешки, лицо стало рыхлым и серым. Ему бы врачам показаться, а не на охоту ездить.

В принципе я ничего не теряю, ведь можно заложить ограничения и необходимость, скажем лет через пять, повторного корректирующего курса.

Мне нужно лишь выбрать верную линию поведения. Или продолжать ломать комедию, ссылаясь на неведомого волшебника. Или не говоря ничего конкретного, взять всё на себя.

Выбрал я второе, так у меня больше свободы в выборе действий.

— А что Вы точно хотите сделать?

— Ну, разумеется появиться на работе с физиономией сорокалетнего мужчины — это глупо. Меня бы устроило помолодеть лет на пять-шесть, главное забыть о проблемах с сердцем, почками и этим проклятым диабетом. А ещё колени мучают, особенно по утрам.

Мои раздумья Полипов трактовал как сомнения, — Алексей, я своего слова не нарушу. Боле того, буду кровно заинтересован в твоём продвижении. А находясь в кабинете на Старой площади, я смогу реально помочь тебе вплоть до организации зарубежных выставок в капстра-нах.

Приняв решение я посмотрел прямо ему в глаза, вроде обманывать меня он не собирается. Очень уж хочет пожить подольше, находясь в начальственном кресле.

— Ладно, когда это ваше мероприятие?

Полипов заметно обрадовался, — в следующую субботу.

Тогда планируйте поездку в Уваровку на этот четверг вечером.

Мужчина окончательно расслабился, — сколько времени понадобится?

— Если всё пойдёт как запланировано — то утром выпущу. День-два понадобится прийти в себя и привыкнуть к новым ощущениям. Но Вы же понимаете, что желательно неделю имитировать отдых в санатории или поездку к шаману.

— Не учите учёного, юноша. Я всё продумал. В Барвиху под моим именем поедет другой человек.

Не так просто оказалось взять несколько дней отпуска. Ведь я официально работаю и мне идёт трудовой стаж, выплачивают пусть и небольшую, но зарплату. И просто так не выйти на работу я не могу, приходится соблюдать требования трудового кодекса Российской Федерации. А отпуск мне ещё не положен.

Откуда у Никитского такие буржуазные замашки. Меня выручил Петрович, помощник нашего академика. Он и подсказал, что у шефа слабость к настоящему шотландскому виски. А где его взять? В наших магазинах из-под прилавка можно найти коньяк, включая французский, кубинский ром, вермут и прочие излишества. Но вот виски возможно есть только в комиссионных магазинах. Его привозят моряки и родственники дипломатов.

Выручил Полипов, в тот же день его водитель завёз мне на работу бутылку в коробке, да ещё завёрнутую в красочный полиэтиленовый фирменный пакет. У Никитского просто не осталось ни единого шанса. Пока я вываливал на него свою просьбу о том, что нужно срочно навещать заболевшую бабушку, он уже развернул подарок и влюблённое ласкал обеими руками продукцию шотландских самогонщиков.

За эту поездку мы с Полиповым даже немного сблизились. Нам потребовалось полдня, чтобы добраться на его машине до Уваровки. Всё нужное у нас было с собой. Полипов не поспешил и багажник машины был забит качественной жрачкой.

Правда сначала пришлось помахать лопатой, чтобы очистить двор и загнать машину. Потом я занялся уборкой в доме. А Полипов собственноручно принялся растапливать печь. Оказывается в детстве он жил у бабушки и довольно неплохо знал крестьянский быт.

Мы не стали отказываться от помощи моей соседки Татьяны. Та купила на наши деньги у местных крупного судака и пожарила нам большими кусками. Белое плотноватое мясо почти без костей мы приговорили под жаренную картошечку и домашние засолки. Лично мне очень понравились солёные груздочки с луком и в сметане. Надо будет попросить у Татьяны пару банок с собой.

А следующим днём на ужин мой пациент заказал довольной подработкой соседке настоящий борщ с косточкой. И ещё домашние котлеты, и побольше. От перечисленного объёма Татьяна немного присела, но потом я туманно намекнул, что ожидается ещё пара гостей. Так что она только быстро закивала и прибрав выделенный на закупку продуктов четвертак, исчезла.

Часов в восемь мы устроились на диване и принялись смаковать грузинский коньяк. Ну и видимо он смог развязать язык Полипову, потому что тот заговорил о дочери. До этого чувствовалось, что мужчина волнуется перед предстоящей процедурой. Тем более он понятия не имеет, что именно ему предстоит. А потому замкнулся, глядя в охваченное морозными узорами окно.

— Скажи честно, Алексей, что у тебя с моей дочерью.

— С Ольгой? — потянул время я.

— Другой дочери у меня нет. Я же не слепой и вижу как она прихорашивается и радостно бежит на свидания с тобой.

Это тот самый случай, когда даже врать не придётся:

— Да нет у нас никаких свиданий. Мы дружим, Оля водит меня по музеям и театрам.

— И она в тебя не влюблена?

— Вот тут врать не буду, думаю, что что-то она себе напридумывала.

— А ты?

— Я нет, не влюблён. Оля замечательная девушка, но я не собираюсь портить наше будущее. Она ещё найдёт своего принца. А мне пока не до охов-вздохов.

Полипов удовлетворённо кивнул и залпом допил дорогой коньяк.

— А теперь Ваш черёд говорить честно.

— Ты о чём?

— Ну Вы же обрадовались моему ответу. Наверняка не такого зятя хотели для любимой дочери.

— Лёша, ты хороший парень и мы тебе многим обязаны. Но в качестве мужа дочери я предпочёл бы другого. Не обижайся, тут работает среда. Самые крепкие браки получаются между своими. А у тебя очень уж неопределённая жизнь и я ничего о тебе толком не знаю.

— Я понимаю, но как сказать это Ольге? Не хотелось бы её обижать и доводить наши отношения до крайности.

— А это и не придётся. Есть у меня на примете один молодой человек, сын моего хорошего товарища. Так вот он через полгода поедет работать в торговом представительстве в ГДР. А чисто случайно и Оля полетит туда по линии обмена между телевизионщиками. Вдруг и мелькнёт между ними искорка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.